

фронта. Удивительным явлением было и то, что производительность труда рабочих промышленности в целом за годы войны повысилась на 43%, а в оборонной промышленности – на 121%. И это в условиях, когда больше половины рабочих на предприятиях составляли женщины и подростки [3, с. 195-205].

Заключение. Приведенных примеров достаточно, чтобы можно было утверждать: после начала войны процесс индустриализации не заканчивается. Напротив, её темпы ускоряются, а территориально она охватывает регионы, традиционно считавшиеся земледельческими (Киргизия же ещё в XIX веке являлась территорией кочевников, не перешедших к оседлому существованию). Индустриализация не предваряет войну, обеспечивая заранее Великую Победу: это явление, сопровождающее все события на фронте, синхронным образом сопутствующее им. Только к концу войны можно уверенно говорить: цели индустриализации выполнены, и материально-техническое отставание от западного мира преодолено. Следовательно, есть определенная логика в том, чтобы описывать индустриализацию СССР как процесс, продолжающийся до 1943 или 1944 года, об успешном завершении которого в конечном счёте свидетельствовали победы советских войск, связанные с технической модернизацией страны.

1. История : Новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ / П.А. Баранов, С.В. Шевченко; под ред. П.А. Баранова. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ, 2019. – 495 с.

2. Юдина Н.А. Индустриализация в СССР. Первые пятилетки // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. – № 4-3. – С. 109–111.

3. Павленко В. Патриотический вклад населения Средней Азии и Казахстана в Победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – № 1 (2). – С. 195–205.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В СИСТЕМЕ ИДЕЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЦИУМА

Правилова Д.Д.,

Выпускница ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Яковлева Г.Н., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Значение, индивид, символ, средневековое общество, цвет.

Keywords. Meaning, individual, symbol, medieval society, colour.

Цвет как феномен социальный, был включен в общую картину мира средневекового человека. Средневековое общество, как всецело религиозное, суровой иерархизации и стратификации, раскрашивает в строго регламентированные цвета мирскую действительность, тем самым выстраивая собственную систему символической репрезентации. Именно с помощью цвета человек средневековой эпохи вступал в контакт с обществом. Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием к проблеме взаимоотношения цвета и социума: почему тот или иной цвет становился социально значимым, символически ценным, какие функции за ним закреплялись в том или ином обществе.

Цель исследования – раскрыть значение символики цвета в западноевропейском средневековом обществе.

Материал и методы. Материалом послужили работы Л. Н. Мироновой и М. Пастуро. Использовались такие методы, как системно-структурный анализ, описание, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Средневековая эпоха, обладающая внушительной долей символизма, наделяет каждый цвет собственным значением. Здесь цвета – главные носители информации, они – символы и знаки, открывающие систему скрытых значений. Язык цвета, сродни языку общения, был понятен всем членам средневекового общества. Все цвета здесь разделялись на «божественные» и «мирские». Так, зеленый и черный – цвета земные. Белый, золотой, синий красный, пурпурный – божественные.

Белый как всяческая противоположность черному цвету в христианской традиции заимствует свое символическое значение от Света Божественного, а значит он есть всяческое благо [1, с. 82]. На протяжении всего средневековья белый сохранит свое положительное значение.

Черный – вечная противоположность Свету, кажется, ни в одном цвете нет столько земного и материального. Его олицетворяют со смертью и скорбью, мраком и адом. Он также – цвет смиренности и воздержания, морали и достоинства [1, с. 85]. Если в раннем средневековье ему удастся играть на двух противоположностях, то с X в. он сохранится лишь на палитре Дьявола, окончательно закрепив за собой лишь негативный смысл. В конце XIII в. с черного смывается негативный слой краски: теперь суровость и строгость входит в моду. А мода на черный распространится на весь городской патрициат. Теперь одеться в черный – значит подчеркнуть свое достоинство. Модную тенденцию усилят принятые в то время «Законы против роскоши». Усовершенствованная техника окрашивания позволит добиться насыщенных черных тонов. В XIV в. черный цвет – неотъемлемая часть аристократического костюма. Теперь черный – цвет королей, а также отцов Церкви. Достоинство черного останется с ним вплоть до Нового времени.

Положительное значение красного цвета сохранится на протяжении всего Средневековья. Он – цвет крови Христовой, он – сила и мужество [1, с. 82]. Имеющий обыкновение быть сходным с римским пурпуром, он становится символом власти и могущества.

Зеленый в христианском средневековом пространстве – цвет всего живого мира, верхнего слоя земли, покрытого растительностью [1, с. 84]. Воспринимаясь крайне положительно (достаточно вспомнить об излюбленном сочетании красного и зеленого в костюме средневековой знати в IX–XIII вв.), он привлечет еще большее внимание в XIII в., окрасив средневековые витражи, захватив пространство на средневековых миниатюрах и проникнув на геральдические щиты. Средневековые рыцари также оденутся в зеленый. Однако в XIV–XV вв. воспетая в сонетах любовь к зеленому цвету так быстро сменится совершенной неприязнью. Он станет цветом опасности, измены, а позже и вовсе цветом Дьявола. Человек средневекового мира сторонится его, остерегаясь опасности, измены и обмана [2, с. 44]. В XV в. в зеленом можно встретить лишь крестьян и некоторых горожан. Негативная сторона зеленого одержит верх, вобрав в себя все самое греховное и отталкивающее.

Желтый, как и красный, является вечным спутником всего живого. В желтый окрашен сам солнечный свет, когда солнце еще высоко за горизонтом. В раннем средневековье желтый совершенно позитивен, как символ солнечного света и золота, божественности и царственности. Иуда Искарот, предавший Христа за тридцать сребренников, наделит желтый иным, негативным смыслом, представ на средневековых полотнах в желтых одеяниях. Негативная окраска с желтого уже не смоеется: с конца XII в. он становится цветом измены, продажности и греха. Неприятное впечатление от желтого дополняется его ассоциацией с болезненной кожей, захваченной проказой, покрытой веснушками, а также желчью. Он – также увядание, как опавшие осенние листья, или тление, как долго лежавшая бумага. Настороженное отношение к желтому, как чему-то фальшивому, шествующее под руку с обманом, будет сопровождать его вплоть до нашего времени [1, с. 83].

Антиподом желтого станет синий. Он самый трансцендентный, моральный, печальный и успокаивающий, но также угнетающий (в больших количествах). Он – цвет неба и непостижимой тайны [1, с. 83]. В средневековом религиозном сознании синий был созвучен вечной божественной истине. Незначащий почти ничего в раннем средневековье синий в XII веке становится прекраснейшим из цветов. Вскоре он проникнет на гербовые щиты, витражи, полотна средневековых живописцев, станет цветом парадных одежд королей и знати, а образ Девы Марии непременно начнет олицетворяться с синим. Он станет цветом высокоморальности и необыкновенной энергии, аристократическим и модным [3, с. 53]. Особый статус синего будет сопутствовать ему на протяжении всего Средневековья.

Старая триада «белый–красный–черный» в средневековую эпоху сменится новой сикстириадой основных цветов белый–красный–черный, синий–зеленый–желтый и их производными сочетаниями, что станут составляющими репрезентативной средневековой системы.

Разделение средневекового общества на тех, кто молится, воюет и работает, закрепляет за каждым право на свой цвет. Социальная стратификация фиксировалась цветом. Тяготение к оттенкам красного цвета, а позже сменившим их синим, оправдывалось знатностью происхождения. Белые и черные тона также считались оттенками высшего

ранга. Лишь низы оставались бесцветными. Начиная глубиной оттенка и завершая типом ткани – теперь все демонстрировало социальный статус.

Заключение. Цвет как основа для выражения мироощущения в средневековую эпоху служил средством «сообщения информации», знаком, отличающий определенные «объекты». Цвет здесь не что иное, как сигнал, импульс, открытый к прочтению иной, трансцендентной реальности. Он показывал человеку Средневековья, каков мир, формируя его систему чувствований, превращаясь в средство визуальной классификации, стратификации, иерархизации, дискриминации и кодификации в обществе, а также способом коммуникации, правилом взаимоотношения между человеком и социумом. Он становился определенным алфавитом, позволяющим считывать информацию посредством цветовой символики.

1. Миронова, Л. Н. Учение о цвете / Л. Н. Миронова. – Минск: Выш. шк., 1993. – 463 с.
2. Пастуро, М. Зеленый: История цвета / Пер. с франц. Нины Кулиш. – М.: Новое лит. обозрение, 2017. – 168 с. – (Б-ка журнала «История моды»).
3. Пастуро, М. Синий: История цвета / Пер. с франц. Нины Кулиш. – М.: Новое лит. обозрение, 2018. – 136 с. – (Б-ка журнала «История моды»).

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В БССР ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (1919–1939 ГГ.)

Пыж Д.С.,

магистр истории, г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Козик Л.А., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Польское национальное меньшинство, БССР, законодательство.

Keywords. Polish national minority, BSSR, legislation.

Законодательные акты БССР являются важным источником для изучения положения национальных меньшинств на территории Беларуси в межвоенный период, так как определяют национальную политику правительства республики.

Цель исследования – определить основные черты правового положения польского национального меньшинства в БССР.

Материал и методы. В исследовании использованы законодательные акты СССР и БССР. В процессе работы над темой применялись как общенаучные (анализ и синтез, аналогия и сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы (историко-сравнительный, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. В основу первой Конституции ССРБ легли положения, которые были изложены в “Декларации прав народов России”: равенство и суверенность всех народов, населявших Россию; отмена национальных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств [1]. В статье 15 Конституции ССРБ которая была принята 3 февраля 1919 г. I съездом Советов ССРБ говорилось: “ССРБ, признавая равные права за гражданами, независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия” [2, с. 189].

Декларация о независимости ССРБ, которая была принята 1 августа 1920 г., предусматривала вовлечение “в советское строительство самых широких трудовых масс, к какой бы национальности и вероисповеданию они ни принадлежали”, а также “полное равноправие языков (белорусского, русского, польского и еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры” [3, с. 32].

Отдельные аспекты национального вопроса отражались и в решениях X съезда РКП(б), который прошел в марте 1921 г. Так, в резолюциях на тему государственно-